

Лайош Меньхарт

(Дебречен)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
И ВЕНГЕРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ
В 70-ЫЕ ГОДЫ XIX В.

Общеизвестно, что венгерская политическая общественность также в 70-ые годы прошлого века видела смертельную опасность в стремлениях внешней политики России. Одна из причин этого страха заключается в том, что Россия поддерживала национальные движения славянских народов на Балкане. Эти движения и стремления царской России угрожали политической гегемонии венгерских правящих классов, и существованию австро-венгерской монархии (далее: монархия). Эта проблема связана с так называемым „восточным вопросом“, с вопросом о гегемонии на Балкане.

Решение „восточного вопроса“ в пользу России из-за оживления балканских национальных движений в глазах венгерской политической общественности казалось роковым. Об этом свидетельствовала речь видного депутата, Дежё Силади. В речи депутата правительственного лагеря особенно подчёркивалось две точки зрения: Национальный вопрос и экономические интересы Венгрии.

„Причиной того, что большинство венгерской общественности хотело защищать наши интересы сохраняя единство Турецкой империи являлось не сочувствие к турецкой власти [...] а то, что расширение влияния русской власти было бы опасно для развития и будущего Венгрии”¹.

Он, и другие депутаты, а тоже публицисты 70-х годов прошлого века думали, что оживление национального движения балканских народов

¹ *Речи Дежё Силади*, т. 1, Будапешт 1906, с. 167–170.

изнутри, а русская экспансия извне угрожают существованию монархии. Например Ивор Кааш в парламенте сказал: „Победа панславизма повлияла бы очень разрушительно на внутреннее состояние австро-венгерской монархии”².

В передовой популярной и влиятельной газете „Пешти Наplo” (Пештский Дневник) можно было читать: „Идея панславизма возмутит наши славянские народы [...] она угрожает не только нашим интересам, но и порабощению нашей Родины”³.

Видный консервативный деятель, граф Альберт Апони так суммировал свое мнение: „Венгерская общественность без различия партийной принадлежности чувствует и думает, что освобождение славянских народов – с поддержкой России – от власти османского султана, обозначает для нас большие проблемы, [...] которые мы не можем разрешить”⁴.

Общеизвестно, что речь шла не только о национальной, но и о классовой гегемонии венгерских правящих классов. Но на страницах тогдашней публицистики писали о жизненных интересах венгерской нации, переоценили угрозу панславизма. Таким образом на национальной основе расширили свою политическую основу, разожгли национальные противоречия между народами, национальностями Венгрии и Монархии.

Как мы уже выше сказали, венгерская политическая общественность думала, что расширение русского влияния грозит и экономическим интересам. „Направление наших торговых и экономических стремлений на Востоке. Мы не терпим влияния такой власти, которая старается захватить эти провинции”⁵.

На страницах газет оппозиции тоже писали: „Мы можем только на Востоке привести в действие наши интересы [...] Венгрия – своей торговлей и своей промышленностью – должна играть первоначальную роль на Востоке”⁶.

Кроме выше упомянутых причин были и другие, можно сказать субъективные корни руссофобии. Достаточно помнить 1849 год, когда царские войска подавили венгерскую революцию, освободительную борьбу венгерского народа. Как оппозиция подчеркнула: „Россия наш естественный противник”⁷.

² „Дневник палаты депутатов” 1875–1878 г., т. 11, с. 139.

³ „Пешти Наplo”, 5.01.1878 г.

⁴ А. Апони, *Мои воспоминания*, Будапешт 1922, с. 85.

⁵ *Речи Дежё Силади*, т. 1, Будапешт 1906, с. 169.

⁶ „Эдетэргеш” (Согласие), 29.12.1877 г.

⁷ Там же, 18.11.1877.

Договор 1867 г. с Австрией и немецкая ориентация внешней политики после 1871 г. тоже оправдались в трактатах венгерских политических деятелей того времени с угрозой панславизма.

Видным выразителем внешнеполитических стремлений венгерских правящих классов был граф Дюла Андраши, министр иностранных дел монархии. Он хотел препятствовать слиянию русских стремлений и славянских национальных движений на Балкане. Поэтому он вначале хотел поддержать южнославянские стремления а потом хотел создать союз держав против России. Но граф Андраши не мог осуществить этих планов. Вначале 70-х годов образовался союз трех императоров, создано новое положение. Посмотрим как реагировала венгерская политическая общественность на возникновение, и на действие „нового священного союза”? Союз сформировался на встречах императоров. Венгерская общественность знала очень мало о содержании соглашений, но на страницах газет выражала своё мнение.

„Договор трёх держав [...] обеспечит мир, потому, что их интересы слишком различны, разнородны, их согласие заключается только в бездействии”⁸. Во время визита в Петербурге императора и короля, Ференца Йозефа – в феврале 1874 г. – венгерские газеты писали, что вопреки петербургским блистательным праздникам, церемониям – из за восточного вопроса – неизбежно столкновение между Россией и монархией⁹.

Но не только недоверием можно характеризовать мнение венгерской политической общественности. Весной 1875 г. на страницах „Пешти Наplo” можно было читать, что „союз трёх императоров – это сам мир в Европе”¹⁰. Но летом 1875 г. положение в корне изменилось. 2.07.1875 г. началось восстание в Боснии и снова возник восточный кризис. Вначале, до марта 1876-ого года венгерские публицисты думали, что содействием союза трёх императоров возможно уложить противоречия, и сохранить мир¹¹.

Весной 1876 г. вместе с углублением кризиса изменилось и мнение венгерских публицистов. На страницах газеты „Пешти Наplo” писали: „По-видимому ещё существует союз трёх императоров. Но мир сохранить союз не смог, потому что этого никто серьёзно не хотел [...] возникло самое яркое противоречие между нашей монархией и Россией”¹². По мнению венгерской общественности причиной

⁸ „Пешти Наplo”, 17.03.1873 г.

⁹ „Элленор” (Контролер), 13.02.1874 г. и „Дебречен”, 12.02.1874 г.

¹⁰ „Пешти Наplo”, 18.05.1875 г.

¹¹ „Элленор”, 26.09.1875 г., „Пешти Наplo”, 21.08.1875 г.

¹² „Пешти Наplo”, 7.07.1876 г.

углубления кризиса была политика России¹³. „Союз трёх императоров служил интересам России, [...] служил распространению панславизма”¹⁴.

Интересы России, распространение панславизма по оценке венгерской политической общественности означали смертельную опасность для Венгрии. Критика союза трёх императоров, и внешней политики графа Андраши стала особенно резкой в начале 1877 г., во время новой русско-турецкой войны. Консервативный депутат в парламент Лайош Шимони сказал: „Я не хочу объяснить Вам, какую опасность означает эта война для нас, но хочу выразить, что вся Венгрия протестует. Послали прощения соборы комитатов, протестовали народные митинги, и депутаты в парламент”¹⁵.

О причине протестов публицист газеты „Пешти Наplo” так писал: „Честная венгерская нация чувствовала опасность восточного кризиса [...] Боялась за свою родину от панславизма и поэтому была недоверчива к союзу трёх императоров”¹⁶.

В июне 1877 г. состоялась очень резкая дискуссия в парламенте. Депутат Даниэл Ирени подчёркнул бессмысленность продолжения политики союза трёх императоров, потому что в восточном вопросе политические интересы и стремления России и Венгрии слишком противоречивы”¹⁷.

Летом 1877 г. руссофобия стала такой острой, что одни хотели объявить даже войну России. Участники боёв 1848–49 годов – например Дёрдь Клапка и другие – организовали добровольческий корпус на территории Трансильвании. Сам Дюла Андраши думал, что влиятельным средством против панславизма, против славянской опасности была бы победительная война против России. Но и одновременно он знал, что сама монархия в военном смысле не так сильна, а союзника у неё нет¹⁸.

О последствиях военного выступления – с точки зрения „венгерской нации” подумали и некоторые депутаты. В своем выступлении в парламенте: Имре Иванка сказал: „В случае победы России наша монархия распадётся а если Австро-Венгрия победит мы столкнёмся с Россией, которая старается на реванш”¹⁹. Итак, возможные последствия войны против интересов России не казались полезными. Осталась единственная возможность: договор, делёжка с Россией в рамках союза

¹³ „Элленор”, 15.02.1876 г. и „Эдетэртеш”, 23.05.1876 г.

¹⁴ „Пешти Наplo”, 10.09.1876 г.

¹⁵ „Дневник палаты депутатов”, т. 15, с. 239; „Пешти Наplo”, 21.05. и 21.09.1877 г.

¹⁶ „Пешти Наplo”, 6.09.1878 г.

¹⁷ „Дневник палаты депутатов”, т. 11, с. 113.

¹⁸ Э. Вертгеймер, *Жизнь и эпоха графа Дюла Андраши*, т. 3, Будапешт 1913, с. 56–57.

¹⁹ „Дневник палаты депутатов”, т. 2, с. 255.

трёх императоров. С начала восточного кризиса политика графа Андраши взяла направление на это и в конце концов решения Берлинского конгресса в 1878-ом году отразили это стремление.

Венгерская общественность противоречиво приняла эти решения. Большинство общественности возмущалось. Возникновение независимой Болгарии победой России, укрепление влияния „восточного колосса” на Балкане было противоположно стремлениям венгерских правящих классов. Оккупация Босни монархией также была противоречива интересам Венгрии, потому что усиливался славянский „элемент” в числе населения на территории в пределах монархии.

Как известно, результатом Берлинского конгресса и Россия была недовольна. Временно ухудшилось отношение между Германией и Россией, ослабел союз трёх императоров и укреплялись связи между Германией и монархией.

В 1879-ом году возник двойственный союз. Часть венгерской общественности была довольна по политическим причинам, но одни говорили и об экономических последствиях. Альберт Апоши сказал: „Если Германия получит – и по политическим причинам – благоприятные условия для продажи своих товаров на территории России, и она (Германия) обеспечит такие же условия быта русских товаров в первую очередь зерна. Тогда му своими товарами вынуждены вытесниться с рынка Германии”²⁰. Итак, опять противоречие между интересами России и монархии, точнее Венгрии. И поэтому имело бы большое значение соглашение с Германией. Конечно были и внешнеполитические надежды венгерской политической общественности – с Германией: выступить против стремлений России – но эти надежды и далее остались иллюзией.

Lajos Meinhard

POLITYKA ZAGRANICZNA ROSJI A SPOLECZEŃSTWO WĘGIERSKIE
W LATACH 1870–1880

Punktem wyjścia rozważań Autora jest stwierdzenie, że Rosja rozwiązując tzw. kwestię wschodnią i popierając narodowe ruchy słowiańskie na Bałkanach, stanowiła swą polityką „śmiertelne niebezpieczeństwo” dla węgierskich klas panujących w ramach Monarchii Austro-Węgierskiej. Zagrożenie ze strony Rosji postrzegano nie tylko w płaszczyźnie narodowej, ale

²⁰ *Речи графа Альберта Апоши*, т. 1, Будапешт 1896, с. 71.

również jako ograniczenie „życiowych interesów” węgierskich klas posiadających, atakowanych przez rosyjski pansławizm. Myśl tę autor udowadnia na podstawie analizy przemówień parlamentarzystów węgierskich i ówczesnej, rodzimej publicystyki, reagującej krytycznie na najważniejsze wydarzenia polityczne lat siedemdziesiątych XIX w. dotyczące tzw. kwestii wschodniej (np. „sojusz trzech cesarzy”, kolejna wojna rosyjsko-turecka [1877–1878] w jej aspekcie bałkańskim) czy na politykę węgierskiego ministra spraw zagranicznych Juliusza Andrassy’ego.